
НАСЛЕДИЕ

ИНДУСТРИАЛИЗМ, КОММУНИЗМ И УТРАТА ЛИЧНОСТИ

ЛОССКИЙ Николай Онуфривич – философ (1870 – 1965)

Предлагаемая вниманию читателей статья публикуется по тексту парижского журнала «Новый град» (1936, № 11), выходившего в 1931–1939 годах под редакцией бывшего эсера И. И. Бунакова-Фондаминского (1880–1942) и философа Г. П. Федотова (1886–1951). Критика автора в адрес концепций евгеники, насильственного ограничения рождаемости и т. п. может показаться чрезмерно многословной — пока не вспомнишь, что писалось это уже в разгар нацистских «экспериментов» по претворению подобных концепций в жизнь. Общая же направленность статьи Н. О. Лосского с его вниманием к тем социальным ценностям, на которых, словами Пушкина, «основано от века» «самостоянье человека и все величие его» — и неприятием всего, что ведет к падению творческой активности общества и принижению личности, — актуальна, думается, и сегодня.

Нам довелось жить в знаменательную историческую эпоху перехода к новому экономическому порядку и вместе с тем к новому духовному строю жизни. Высокое развитие техники и взаимозависимость экономической жизни всех народов обязывает к организации хозяйственной деятельности как единого целого, к плановости ее и осуществлению многих требований социализма. Правда, наиболее распространенная социалистическая партия (социал-демократия) терпит во многих странах вследствие своего доктринерства, узости и фанатической нетерпимости тяжкие поражения; на место ее победоносно выступают другие общественные течения, но силою необходимости они принуждены осуществлять многое из того, чего требует социализм. Когда новая форма экономического порядка будет осуществлена, возможно, что человечество станет создавать грандиозные материальные богатства, которые могут быть средством для пышного расцвета индивидуальной духовной жизни и высокого подъема духовного творчества; возможно, однако, и то, что развитие общественной жизни пойдет по иному пути, ведущему к падению духовного творчества и такому принижению личности, что *не для кого* будет существовать богатству.

Признаки упадка личного, индивидуального бытия человека появились в самых различных странах: в Советской России, в Соединенных Штатах Америки, в Германии. Поэтому можно предполагать, что современная культура содержит в себе много различных условий, таящих в себе тенденцию деперсонализации человека. Из них я рассмотрю лишь односторонний коммунизм и индустриализм, то есть чрезвычайное развитие промышленной деятельности, связанное с преувеличенною оценкою ее значения, как, например, в Соединенных Штатах Америки.

Чрезвычайное развитие промышленности в Соединенных Штатах, кипучая активность американцев, быстрый темп жизни требуют развития двух способностей: восприятия

внешнего мира и быстрого ответа на это восприятие действием вовне. При этих условиях внутренняя душевная жизнь остается мало развитой: фантазирование, мечтательное настроение, философское умозрение несвойственны американцу; на это у него нет времени. Социальные функции человека развиваются и выдвигаются на первый план, темп осуществления их очень ускоряется, но они принимают стандартизированный характер и становятся безличными; индивидуальное общение человека с человеком, вживание одного лица во внутренний, единственный и незаменимый мир другого лица ослабляется, способность к нему отмирает. Особенно заметно это в таких общественных учреждениях, как, например, большие магазины, рестораны, почта, где ежедневно выполняется множество функций: служащие в них вырабатывают безличное отношение к клиентам, и клиенты пользуются услугами их также безлично, едва замечая их внешность — настолько, чтобы ориентироваться при сношениях с ними. На первый взгляд эта безличность кажется очень полезным приспособлением: она ведет к значительной экономии сил. Однако отсюда возникает опасность распространения безличного отношения на все случаи общения людей, опасность отмирания внутренней жизни и превращения человека в робота. Остаток личного отношения символизируется еще приветливою улыбкою, но и она стандартизирована и потому могла бы быть воспроизведена роботом.

Не только при выполнении профессиональных обязанностей, но также и в остальных сторонах жизни современная цивилизация выдвигает на первый план социальное общение, оставляя мало места общению индивидуальному: встречи с людьми происходят преимущественно в самых разнообразных обществах, клубах (например, в Соединенных Штатах), на съездах, официальных приемах, обедах, раутах и т. п. Отношения людей в этих собраниях глубоко отличаются от индивидуального общения. Чтобы отдать себе отчет в этом, представим себе то глубокое, интимное проникновение в индивидуальную, своеобразную внутреннюю жизнь, которое возникает на почве любви одного лица к другому, особенно в семейной жизни, в отношениях жениха и невесты, мужа и жены, родителей и детей, братьев и сестер, дедушек, бабушек и внуков; единственные, неповторимые и незаменимые по своей ценности переживания возникают в этой атмосфере индивидуального общения каждый день. Не менее высокую цену имеют индивидуальные связи, возникающие на почве дружбы, и даже простое приятельство вносит в жизнь много света и тепла. Совсем иной характер имеет общение людей в политическом клубе, научном обществе, на съезде, вообще в собрании, объединенном общими целями, интересами или учениями, выразимыми в отвлеченных понятиях. Здесь человек является не как индивидуум, а как социальная единица, элемент или орган социального целого. Переживания могут быть чрезвычайно сильными и значительными, особенно у вождей, учителей, артистов, которые приковывают к себе общее внимание и приобретают славу, влияние, положение своим общественным творчеством; они воспринимаются обществом как индивидуумы и сами переживают свою деятельность как индивидуальное творчество, но все остальные, которые следуют за ними, превращаются в однородную массу, и задача социального влияния вождей и учителей состоит в том, чтобы выработать у многих лиц одинаковые взгляды, вкусы и действия. Такая цивилизация стандартизирует не только вещи, но и многие духовные проявления человека.

По мере того, как социальное общение начинает господствовать над индивидуальным и все большее количество функций человека социализируется, все более упрочивается привычка смотреть на человека не как на единственного и незаменимого в своем личном своеобразии Петра Ивановича Х, а как на экземпляр группы, выразимой общим понятием: инженер, профессор математики, полицейский, шахтер. В этом своем социальном аспекте человек ценится за определенные качества, делающие его пригодным для выполнения точно установленных функций; индивидуальное своеобразие его все менее ценится и не замечается; мало того, в тех случаях, когда оно ярко выступает и выделяется из общего стандартного фона, оно кажется отталкивающим, заслуживающим осуждения, как это

прекрасно изображено в романе Синклера Льюиса «Babbitt»¹. В русской литературе о «дегуманизации» человека, возникающей под влиянием крайнего индустриализма, давно уже говорит Н. А. Бердяев. В германской литературе недавно заговорил об этом граф Кейзерлинг².

Стандартизация и социализация поведения очень упрощают и потому облегчают жизнь. Лев Толстой со свойственным ему мастерством обрисовал чувство успокоения и облегчения, которое испытал Николай Ростов, вернувшись из Москвы на театр военных действий в свой полк: «Тут в полку все было ясно и просто. Весь мир был разделен на два неравные отдела: один — наш Павлоградский полк, а другой — все остальное. И до этого остального не было никакого дела». «Выдумывать и выбирать нечего, только не делай ничего такого, что считается дурным в Павлоградском полку; а пошлют, делай то, что ясно и отчетливо определено и приказано, — и все будет хорошо». Ростов поставил себе целью «служить хорошо и быть вполне отличным товарищем и офицером, то есть прекрасным человеком, что представлялось столь трудным в миру, а в полку — столь возможным».

Свободное искание совершенного нравственного добра, истинного миропонимания, подлинной красоты таит в себе опасности срыва в пропасть, возлагает на человека личную, индивидуальную ответственность, требует сильного, независимого характера. Неудивительно, что многие люди готовы отдать свое первородство за чечевичную похлебку, отказаться от развития своей индивидуальности и низвести себя на степень клетки социального целого, лишенной всякой самостоятельности. Вступлению на путь такого унижения личности содействуют распространенные в наше время философские учения, неспособные выработать понятие индивидуума как абсолютно ценной, неповторимой и незаменимой сущности; таковы материализм, бихевиоризм, позитивизм, так называемая «научная философия» и т. п.

Там, где государство сознательно вступило на путь полного подчинения индивидуума обществу и социализации всех функций человека, является тенденция принудить всех граждан принять одно и то же казенное мировоззрение: в СССР диалектический материализм обязателен для всех профессоров, учителей, журналистов, служащих; в Германии является тенденция придать идеологии расизма значение обязательного мировоззрения. Длительное господство такого режима ведет, как это наблюдается в Советской России, к глубокому упадку философии: движение философской мысли вперед прекращается, философское исследование бытия, вследствие привычки к готовым формулам и обязательности их, исчезает и заменяется доказательствами посредством цитат из канонизированных авторов, целые фразы или части фраз становятся стереотипными и повторяются во всех книгах и статьях с удручающим однообразием. Дальнейшим фазисом такой эволюции должно быть полное исчезновение философской мысли и замена ее речевыми рефлексам; наконец, и эти рефлекс должны отпасть и функция выработки мировоззрения может замениться указанием на символ вроде серпа и молота...

Искусство при таком направлении эволюции подчиняется задаче исполнять «социальный заказ», как это наблюдается уже в Советской России. Оригинальное художественное творчество, ставящее человека лицом к лицу с последними тайнами мироздания, способное перевернуть всю душу человека и направить развитие его на новые пути, невозможно в таком обществе: где нет свободы индивидуального искания, там не может возникнуть «Божественная комедия», «Гамлет», «Фауст», «Братья Карамазовы». Искусство, как и философия, становится средством выработки у граждан единообразного, для всех обязательного миропонимания. Но и эта роль принадлежит ему лишь в начальном периоде такой эволюции. Когда эта цель будет достигнута и внутренняя душевная жизнь

¹ Роман американского писателя С. Льюиса «Бэббит» (1922) выдержал несколько изданий на русском языке.

² Видимо, речь идет о книге «America Set Free» (N. Y. - L., 1929) немецкого философа Г. Кейзерлинга (1880 - 1946).

личности будет настолько опустошена, что всякое лицо будет низведено на степень только средства для выполнения общественных функций, тогда и роль искусства станет еще более подчиненною: оно будет низведено на степень лишь забавы, игры.

Человек с опустошенною внутреннею жизнью сохранит преимущественно два типа функций: *рецептивные* и *моторные*, то есть восприятие внешнего мира и мускульные реакции на него. Соответственно этому искусство, низведенное на степень забавы, будет состоять из романов со «счастливым концом», балетных спектаклей, кинематографических представлений со стремительною сменю действий. Такие рецептивные забавы не более содержательны, чем зрелище спортивных состязаний или поездки на автомобиле с быстрою сменю впечатлений, без сосредоточения и углубления в них, вызывающего расцвет внутренней душевной жизни. Моторные игры, футбол, теннис и т. п. и всевозможные спортивно-моторные состязания уже теперь занимают много места в жизни человека, а тогда они расцветут еще более пышно.

Общество, в котором личность рассматривается не как абсолютно ценный индивидуум, имеющий цель в самом себе, а как только средство для процветания коллектива, утрачивает идею неотъемлемых прав личности: отношения государства к индивидууму определяются в нем не правом, а социальной целесообразностью; любое вмешательство в жизнь личности считается допустимым, если оно признано полезным для коллектива.

Есть два мощных фактора, выступающих на защиту прав личности: христианская религия и семья. Христианство признает абсолютную ценность личности, сотворенной по «образу Божию»; оно утверждает, что, кроме жизни в биологическом смысле, есть еще более высокие — *сверхбиологические* цели деятельности человека; выше общества, нации, государства оно ставит отношение человека к Богу и к абсолютным ценностям истины, нравственного добра, красоты, вечной и совершенной жизни в Боге. Высшие творческие деятельности человека осуществляются не иначе, как на основе бескорыстной *любви* к Богу и абсолютным ценностям, к числу которых принадлежит также и ценность личности; подлинная, то есть бескорыстная любовь возможна только как *свободное* проявление человеческого духа. Поэтому, согласно христианскому мировоззрению в его последовательно продуманной форме, существуют такие области жизни человека, в которые насильственное вмешательство извне кощунственно.

Христианская религия защищает неотъемлемые права человека, исходя из абсолютного достоинства личности, имея в виду идеал достижения ею абсолютного совершенства. Семья гораздо непосредственнее, чем религия, отстаивает права своих членов на основе любви к ним и конкретного переживания абсолютной ценности их; далее, на этой почве естественно возникает признание за каждою личностью таких прав, нарушение которых недопустимо ни в каком случае. Отсюда понятно, что эволюция общества, отвергающая самоценность личности, сопровождается борьбою против христианства и против семьи. Бешеная ненависть советских коммунистов к христианству и жестокая борьба их против религии известны теперь всем. Семью они также стараются принизить и разложить, распространяя учение о том, что любовь есть не более, как удовлетворение физиологической потребности, и стремясь оторвать детей от родителей путем воспитания их в приютах или, по крайней мере, путем вовлечения их во всевозможные комсомольские и пионерские организации, клубы и т. п.

Когда индивидуальные связи человека с человеком расторгнуты, личность в ее индивидуальной внутренней жизни обесценена, а ценность общества безмерно преувеличена, тогда естественно является такое вмешательство государства в личную жизнь, как насильственная стерилизация субъектов, потомство которых может оказаться экономически или биологически убыточным для общества. Дальнейшая ступень вмешательства государства в личную жизнь будет состоять в том, что все размножение будет регулироваться правительством. Искусственное оплодотворение, применяемое теперь в скотоводстве, может быть использовано и для управления размножением человечества. Тогда в обществах, увлекающихся идеею чистоты расы, сотни тысяч самок могут быть

оплодотворены семенем нескольких образцовых представителей расы или, может быть, даже одного вождя. Остальным гражданам половые функции могут быть предоставлены в виде «забавы», не ведущей за собою никаких осязательных последствий. При таких условиях эта функция у громадного большинства человеческих особей атрофировалась бы и они превратились бы в бесполох рабочих, как это наблюдается у муравьев, термитов, пчел. Илья Мечников давно уже писал о возможности такой эволюции, при которой произойдет «разделение людей на наиболее и наименее плодовитых или даже и вовсе бесплодных»³.

Такому направлению развития человеческого общества способствуют псевдонаучные теории современной евгеники, не усматривающей сверхбиологических целей и функций человека. Исходя из чисто натуралистического миропонимания, она ценит только здоровье и силу среднего человека и упускает из виду, что эпилепсия, истерия и т. п. отклонения от нормы, может быть, являются, в условиях земного ограниченного бытия, неизбежными спутниками гениальности, творящей новые высшие ценности. Я вовсе не утверждаю при этом, будто всякий гений есть душевно и телесно больное существо. Я имею в виду только то, что гений рождается в семье, в которой упроченное равновесие среднего типа жизни нарушено и потому возможно появление нескольких индивидуумов с болезненными расстройствами и одного счастливого исключения, носителя новой, оригинальной формы творчества, обогащающего жизнь всего человечества. Если это верно, то управление размножением на основе теорий современной науки приведет только к понижению духовности человека и выработке расы биологически здоровых и шаблонно «красивых» посредственностей. Впрочем, это именно и нужно тому обществу, в котором отвергнута абсолютная ценность индивидуальной личной жизни и поставлена цель превратить человека только в подчиненный орган коллектива.

Дальнейшая ступень развития в этом направлении будет состоять в том, что государство сочтет себя вправе уничтожать идиотов. Вступив на этот путь, нельзя уже остановиться и найти границу допустимого: уничтожению станут подвергаться неизлечимо больные, дети, родившиеся слабыми, болезненными и уродливыми (как это было в Спарте), наконец, старики, как это практикуется у некоторых первобытных народов. Одно калифорнийское племя расправлялось со стариками очень простое дряхлого отца семейства, неспособного принести вязанку дров из лесу, валили на пол, клали ему на шею палку и два человека садились по краям ее, надавливая ее, пока старик не задохнется⁴. Культурное человечество, конечно, не будет применять таких варварских приемов: оно изобретет средства безболезненного умерщвления бесполезных членов общества и даже позаботится об эвтаназии их (блаженной смерти).

Возможен следующий парадокс исторического развития человечества. В современном, сравнительно бедном обществе, с развитым институтом частной собственности, немощные больные, старики и т. п. предоставлены своей участи, они страдают и умирают свободно; коррективом против этих бедствий являются личные индивидуальные отношения человека к человеку, семейная любовь, дружба, приятельство, побуждающие оказывать помощь страждущим иногда из последних средств и сил; на этой почве признания ценности всякой личности в современном обществе все более развивалось человеколюбие вообще и заботы о создании общественных организаций для помощи больным, старикам, неспособным к труду. Общество, в котором будет отменено право частной собственности, создаст при высоком развитии техники колоссальные богатства; но если оно вступит при этом на путь

³ Ил. Мечников. Закон жизни. По поводу некоторых произведений Л. Толстого. «Вестник Европы», 1891, сентябрь, стр. 252 (*прим. автора*); И. И. Мечников (1845—1916) — биолог и философ.

⁴ См.: Westermarck [E. A.] *Ursprung und Entwicklung der Moralbegriffe*, Т. 1 [Leipzig, 1907], 5. 324 (*прим. автора*); Н. О. Лосский цитирует немецкий перевод двухтомного исследования английского ученого Э. А. Вестермарка «The origin and development of the moral ideas» (L.-N. Y., 1906).

социализации всех функций человека, ведущий к ослаблению индивидуальных связей, личные стимулы помощи страдающему индивидууму, как таковому, отпадут, а заботы о целесообразном, то есть выгодном коллективу, использовании общественного имущества чрезмерно возрастут, и отсюда возникнет практика уничтожения бесполезных обществу лиц. Возможен даже и такой общественный порядок, при котором определено число особей, выполняющих те или иные общественные функции, наиболее выгодные для коллектива; как только, при изменившихся условиях, число их окажется слишком большим, избыток особей, именно тех из них, которые менее приспособлены к деятельности, уничтожаются. Недавно, при обсуждении вопроса о средствах борьбы с безработицей, одно лицо высказало мнение, что современный экономический кризис легко можно преодолеть следующей простой мерой: рабочие, достигшие сорокапятилетнего возраста, становятся менее способными к труду; их надо уничтожать, тогда безработных не будет. В высокоразвитом социальном строе термитов этот прием ограничения числа особей уже осуществлен: если в гнезде количество воинов слишком велико, часть их перестает получать пищу и таким образом обрекается на умирание от голода. В Советской России к этому приему прибегают в отношении ко всем лицам, которые считаются психологически неприспособленными к коммунистическому строю, как священники, бывшие помещики, фабриканты и т. п.; они зачисляются в разряд лишенцев и теряют право получать продукты из кооперативов, что в стране, где почти уничтожена свободная торговля, неизбежно ведет к голоданию. Если такой голодающий унесет с поля пучок колосьев или из колхозного амбара горсть зерен, он подвергается опасности расстрела вследствие доноса не только односельчан, но даже и собственного сына, дочери или внука. В самом деле, в стране, где ценность коллектива абсолютизирована, шпионство и доносительство прославляются как добродетели. В Советской России дети, предавшие членов своей семьи путем доноса, получают особые награды и удостоиваются всяческих похвал, как лица, поставившие интересы общества выше личных отношений.

С ужасом думая об обществе, в котором личные, индивидуальные отношения почти утрачены, я вовсе не собираюсь проповедовать отказ от машинной промышленности и возврат к единоличному ручному труду, а также вовсе не желаю пробудить преувеличенный страх к социализму или коммунизму. Человеческая природа чрезвычайно пластична и способна к многосторонности: высокое развитие социальной организованности, требуемое современной промышленностью и переходом к осуществлению некоторых сторон социалистического идеала, вполне совместимо с сохранением и даже углублением личных индивидуальных отношений, духовной свободы и индивидуального творчества. Чтобы осуществить синтез социального и индивидуального развития, необходимо отстаивать ценности индивидуального общения, семьи, дружбы, приятельства, поддерживая все, что содействует углублению внутренней душевной жизни.

Разрабатывать идеал, сочетающий социальные и индивидуальные ценности, можно только на основе мировоззрения, свободного от односторонности как атомистического индивидуализма, так и универсализма, отрицающего ценность индивидуума. Христианское мировоззрение именно содержит в себе синтез высоких сторон индивидуализма и универсализма: оно утверждает абсолютную ценность индивидуальной личности, но открывает, что совершенного осуществления своей индивидуальности личность может достигнуть не иначе, как на основе любви к Богу и ко всем другим личностям, на основе *единодушного* стремления всех существ к достижению полноты жизни путем *соборного* творчества⁵.

Сторонники иерархического персонализма признают, что человеческое общество есть личность высшего порядка, то есть стоящая на более высокой степени развития, чем входящие в ее состав люди, и каждый член общества обязан отдавать часть своих сил на служение целому. Однако из положения, согласно которому всякая личность абсолютно

⁵ См. мои книги «Свобода воли» [Париж, 1927] и «Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей»- [Париж, 1931] (Прим. автора).

ценна, вытекает следующее парадоксальное следствие: личность — составляющая часть социального целого, поскольку она есть абсолютная ценность, равна социальному целому по своему достоинству и не должна быть низводима на степень только средства, только органа целого. Конечная цель всякой личности, участие в соборном творчестве, реализующем абсолютные ценности, достижима не иначе, как путем свободных исканий и усилий каждой личности. К этой цели ведет не нивелировка, а *индивидуальное воспитание* каждой личности, приобщающее к абсолютным ценностям истины, нравственного добра, красоты, полноты соборной жизни. Для использования досуга, который явится при возрастании материального богатства, необходимо уже теперь приобщать народные массы к духовным благам культуры. Высшее образование должно в ближайшем будущем стать доступным каждому лицу, и цель его должна состоять в том, чтобы подготовить каждое лицо, сообразно его способностям, к активному, хотя бы и скромному участию в высших формах творчества в области техники, науки, искусства, религиозной жизни.

Осознать и осуществить способы развития свободной индивидуальной личной жизни необходимо потому, что мы стоим на распутье исторического процесса: от нашего выбора зависит, начнем ли мы строить нечто вроде гнезда термитов, где каждое существо превращено только в орган целого, или же созидать общество свободных личностей, одушевленных любовью к социальному целому, но вместе с тем и к индивидуальному личному бытию.